

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий

Повесть о дружбе и недружбе

Ровно в девятнадцать ноль-ноль тридцать первого декабря прошлого года Андрей Т. лежал в постели и с покорной горечью размышлял о прошлом, настоящем и будущем. Как легко подсчитать, до Нового Года оставалось всего пять часов, но никаких радостей это обстоятельство Андрею Т. не сулило, ибо он не просто лежал (смешно думать, что ему вдруг захотелось в последние часы старого года поваляться под одеялом), а соблюдал постельный режим: горло его было завязано и болело.

Андрей Т. лежал в постели и с покорной горечью раздумывал о том, какой он все-таки невезучий человек. Весь его огромный опыт, накопленный за четырнадцать лет жизни, свидетельствовал об этом с прямо-таки болезненной несомненностью.

Например, стоило человеку по какой-либо причине (пусть даже неуважительной, не в этом дело) не выучить географии, как его неумолимо вызывали отвечать — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Стоило человеку забраться в стол к старшему брату — студенту (совершенно

случайно, ничего дурного не имея в виду), как там оказывалась наводящая изумление японская электронная машинка, которая тут же незамедлительно выскакивала из рук и с треском падала на пол. Опять же с вытекающими последствиями. Стоило человеку проесть с трудом обретенный рубль на мороженом (сливочный, шоколадный и фруктовый шарик в соответствующем сиропе), как буквально в двух шагах от кафе обнаруживался книгоноша, распродающий последние экземпляры «Зарубежного детектива».

Да, удачи не было. Удача кончилась три года назад, когда человеку подарили к дню рождения лотерейный билет и он выиграл на этот билет будильник.

Однако даже невезение должно иметь какие-то пределы. Заболеть ангиной за несколько часов до Нового года — это уже не просто невезение. Это уже судьба. Рок.

Закон бутерброда, сказал папа. Очень может быть. Папа нередко высказывает вполне здравые мысли. Насчет закона бутерброд он впервые высказался еще на заре времен, года три назад. Андрей Т. решил тогда, что бутерброд в данном случае является именем крупного немецкого ученого и пишется через два «т». Он даже вписал этого Буттерброта в кроссворд вместо Гейзенберга,

чем повергнул старшего брата в неопишное и оскорбительное веселье. Много воды утекло с тех пор, и много бутербродов вывалилось из рук на пол, на тротуар и просто на сырую землю, прежде чем великий закон утвердился в сознании Андрея Т. во всей своей непреклонной определенности: бутерброд всегда падает маслом (ветчиной, сыром, вареньем) вниз, и нет от этого спасения.

Нет от этого спасения.

Если человек дал Милке Пономаревой списать контрольную, человеку ставят «банан» за то, что он списал контрольную у Милки.

Если человек тихо и никому не мешая пристроился к телевизору насладиться одним из семнадцати мгновений весны, человека поднимают, напяливают на него смиренный парадный костюм и ведут на именины к бабушке Варе, которая не держит телевизора из принципа.

И уж если человек, изнеможенный от географии и литературы, взлелеял в душе чистую мечту провести праздник Нового года и заслуженные каникулы в Грибановской Караулке, — все, пиши пропало: человека поражает фолликулярная ангина, и пусть он еще спасибо скажет, что это не чума, не проказа и не стригущий лишай...

В девятнадцать ноль-пять с целью выяснить, не изменилось ли положение к лучшему, Андрей Т. произвел экспериментальный глоток всухую.

Положение не изменилось, горло болело. Зря, выходит, поедал он отвратительные горькие порошки, полоскал многострадальные голосовые связки мерзкими растворами, терпел на шее колючую шерстяную повязку. Может быть, маме следовало послушаться бабушку Варю и обложить шею очищенными селедками? В глубине души Андрей Т. знал, что и эта крайняя мера не привела бы ни к чему. Пропала новогодняя ночь, пропали каникулы, пропало все то, ради чего он жил и работал последний месяц второй четверти. Сознать это было столь невыносимо, что Андрей Т. повернулся на спину и разрешил себе испустить негромкий стон. Это был стон мужественного человека, попавшего в западню. Стон обреченного звездолетчика, падающего в своем разбитом корабле в черные пучины пространств, откуда не возвращаются. Словом, это был душераздирающий стон.

А папа и мама находились уже, вероятно, на месте, в окрестностях Грибановской Караулки, где так удивительно отсвечивают в отблесках костра пушистые сугробы, где отягощенные снегом лапы огромных елей и сосен отбрасывают таинственные тени, где можно рыть тоннели в снегу, носиться по лесу, издавая воинственные кличи, а потом, забравшись на печку, слушать смех и споры взрослых и песни старшего брата, студента, под

гитару...

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что скоропостижная ангина у Андрея Т. едва не нарушила эту традиционную семейную вылазку. Сначала мама решительно высказалась в том смысле, что раз так, то она, мама, останется с Андрюшенькой и ни в какую Грибановскую Караулку не поедет. Сейчас же, не желая уступать ей в великодушии, в том же смысле высказался и папа. И даже брат-студент, совершенно лишенный родственных чувств, особенно когда это касалось малокалиберной винтовки, двенадцатикратного бинокля и упоминавшейся уже японской вычислительной машинки, и тот вызвался провести новогоднюю ночь «у скорбного одра», как он выразился, имея в виду, вероятно, постель больного. Положение спас дедушка. Узнав в последнюю минуту о неприятности, он явился и выгнал всех из дому, после чего подмигнул Андрею Т. и устроился в соседней комнате шелестеть газетами и мурлыкать под нос «Ой на гори тай жнецы жнуть...» Авторитетный человек дедушка, подполковник в отставке и депутат, но многого не понимает.

В девятнадцать ноль-ноль Андрей Т. произвел второй экспериментальный глоток всухую. Положение оставалось прежним. Тогда Андрей Т. спустил ноги с кровати, нашарил тапочки и

поташился в ванную полоскать предательское горло раствором календулы в теплой воде. Задрав голову и уставя в потолок бессмысленный взгляд, клопоча и булькая, он продолжал размышлять. Собственно, что такое мужество? Мужество — это когда человек не сдается. Борься и ищи, найди и не сдаваться. Когда у человека ангина, бороться и искать невозможно, остается одно: не сдаваться. Например, можно послушать приемник. Можно тщательно и со вкусом перелистать альбом с марками. Есть новенький сборник научной фантастики. Есть старенький томик «Трех мушкетеров». На худой конец, есть кот Мурзила, которого давно пора потренировать на вратаря. Нет, мужественный человек, даже больной до беспомощности, всегда найдет себе применение. Кстати, дедушка до сих пор не обучен играть в «балду».

Мир немного посветлел. Андрей Т. поставил пустой стакан на полку и вышел в прихожую. А выйдя в прихожую, он увидел на столике под зеркалом телефон. А увидя телефон, он остановился как громом пораженный. Просто непостижимо, что такая простая вещь не пришла ему в голову раньше. Старый верный друг Генка — вот кто ему нужен! Конечно, он тоже ничем не поможет, но с ним можно говорить как равный с равным, сдержанно-мужественно посетовать на судьбу и

услышать в ответ сдержанно-мужественные слова утешения и участия. Андрей Т. схватил трубку и набрал номер.

Подошел сам Генка-Абрикос, шумно выразил радость и спросил, как там у них в Грибановской Караулке. Андрей Т. ответил, что ни в какой он не в Грибановской Караулке, а дома, и сдержанно-мужественным голосом поведал другу о своей фолликулярной ангине и о своем одиночестве. После этого Генка-Абрикос тридцать секунд молчал, соображая, и вдруг сказал:

— Не тушуйся, старик. Не пропадем. Ровно в девять буду у тебя. Погоняем в Автодром и вообще.

У Андрея Т. на миг даже сперло дыхание.

— Что? — спросил он растерянно.

— Жди меня ровно в девять, — сдержанно-мужественным тоном произнес друг Генка по прозвищу Абрикос. — Привет.

И в трубке запищали короткие гудки.

Мир не просто посветлел. Мир засиял. Андрей Т. представил себе, как Генка вваливается в эту вот дверь — огромный, толстощекий, с автодромом под мышкой и пахнущий праздничными мандаринами и морозом, и как он бубнит, раздеваясь: «Не отпускали нипочем, а я им говорю: «А ну вас к лешему совсем, говорю, там Андрюха лежит бездыханный, а вы меня держите...» Да. Генка. Верный друг. Абрикос. Андрей Т. осторожно

передохнул, положил трубку и помигал, потому что у него подозрительно защипало глаза. Друг. Да.

Он вернулся в постель и забрался под одеяло. Собственно, особенно удивляться или умиляться здесь нечего. Настоящая мужская дружба превыше всего. Сам Андрей Т. тоже не колебался бы ни минуты, а уж Генка и подавно. Он ведь человек действия, Генка-Абрикос, он идет на помощь другу не задумываясь. Как-то весенним вечером компания недорезанных басмачей из соседней школы окружила Андрея на темной окраине парка Победы и после краткого выяснения кто есть кто, принялась не больно, но унизительно лупить его сумками со спортивным барахлом. И тут появился Генка-Абрикос. Он ворвался в круг, разя направо и налево своими чудовищными граблями, и противник пришел в замешательство. Правда, в конце концов обработали их обоих основательно, но отступили они хоть и в беспорядке, однако с честью. Такое не забывается...

И Андрей Т. весело крикнул:

— Дедушка! Иди сюда, мне одному скучно!..

Было девятнадцать часов двадцать одна минута.

В двадцать сорок семь, когда Андрей Т., рассеянно вертя в пальцах плененную ладью, раздумывал над очередным ходом, дедушка в кресле расслабился, поник седой головой и

негромко захрапел. Андрей Т. поглядел на него, откинулся на подушки и стал ждать. Несомненно, Генка-Абрикос должен был явиться с минуты на минуту.

В двадцать один тридцать четыре Андрей Т. поднялся и на цыпочках направился в ванную. Друга Генки все еще не было. Покончив с раствором календулы, Андрей Т. в задумчивости поглядел на телефон, но сдержался и снова вернулся в постель. «Мало ли что...» — туманно подумалось ему.

В двадцать один пятьдесят три Андрей Т. отшвырнул сборник научной фантастики и сел, обхватив колени руками. Дедушка спал в кресле напротив, закинув голову и явственно похрапывая. Кот Мурзила в позе Багиры, черной пантеры, предавался дреме на бездействующем телевизоре. На табуретке возле кровати безмолвствовал Андреев любимец и мученик, радиоприемник второго класса «Спидола», он же Спиха, он же Спиридон, он же Спидлец этакий, в зависимости от состояния эфира и настроения. А Геннадий *М*. по прозвищу Абрикос так и не пришел.

Андрей Т. мрачно нахмурился. Ему было неудобно, неприятно, тревожно. Саднило горло. Свет в комнате то притухал, то разгорался до ослепительного блеска. Чтобы рассеяться, Андрей взял Спиху и повернул верньер до щелчка.

Зашуршала несущая частота, пробилась какая-то неявная музыка. И вдруг послышался знакомый голос. Явственный, хотя и слегка приглушенный голос Генки-Абрикоса отчетливо произнес:

— Андрюха... Андрюха... Ты меня слышишь?.. Андрюха... Пропадаю, старик... На помощь...

Андрей Т. подскочил на месте (распрявился, как стальная пружина). Он в смятении огляделся. Он затряс головой. Он сделал глоток всухую и не почувствовал боли. Шуршала несущая частота, и Спидлец монотонно раз за разом повторял голосом Генки-Абрикоса:

— Ты меня слышишь?.. Андрюха... Андрюха... На помощь, старик, пропадаю... Андрюха... Ты меня слышишь?..

Не надо скрывать: Андрей Т. растерялся. Да и кто бы не растерялся на его месте? Каким это таким образом Генку-Абрикоса вдруг занесло в мировой эфир? Что с ним случилось? Где он находится? Не сводя глас со шкалы диапазонов, Андрей Т. робко осведомился:

— Генка, ты где?

Спиридон все продолжал взывать к нему о помощи голосом Генки-Абрикоса, но тут что-то произошло со шкалой диапазонов. Она озарилась зеленоватым мерцающим сиянием и превратилась в дисплей, как на японской вычислительной машинке

старшего брата, а по дисплею побежали справа налево светящиеся слова. Андрей читал, обмирая: «ЕСЛИ ХОЧЕШЬ СПАСТИ НЕОБХОДИМО УСПЕТЬ ДО ПОЛУНОЧИ ВХОД НА КУХНЕ У ХОЛОДИЛЬНИКА ЕСЛИ ХОЧЕШЬ СПАСТИ НЕОБХОДИМО УСПЕТЬ ДО ПОЛУНОЧИ ВХОД НА КУХНЕ У ХОЛОДИЛЬНИКА ЕСЛИ ХОЧЕШЬ СПАСТИ...»

Дзынь! Все исчезло, погасли бегущие слова, шкала снова стала шкалой, и монотонный голос Генки-Абрикоса оборвался на полуслове.

— Так! — громко произнес Андрей Т. — вот оно, значит, что!

Собственно, он по-прежнему понимал мало. Ясно было только, что старый верный друг Генка попал в какую-то непостижимую беду, что поспеть к нему на помощь требуется до полуночи и... Что это там было насчет какого-то входа у холодильника? Андрей Т. отлично знал, что никакого хода у холодильника нет, а есть там по сторонам холодильника два белых шкафчика. И если даже ход этот есть, то вести он должен в лучшем случае прямо в морозное вечернее пространство на высоте пятого этажа. Да, было о чем подумать и было что взвесить, и Андрей Т. принялся обдумывать и взвешивать, как вдруг Спиха тихонько, но необыкновенно явственно сыграл начальные такты старой славной песенки:

К другу на помощь!
Вызволить друга из
кабалы и тюрьмы!..

И Андрея Т. мгновенно бросило в жар. Генка-Абрикос не обдумывал и не взвешивал тогда весной в темных аллеях парка победы. Не обдумывал и не взвешивал, когда узнал о фолликулярной ангине и одиночестве два часа назад. Андрей Т. взглянул на светящийся циферблат над головой. Черные стрелки показывали двадцать два часа одиннадцать минут. Андрей Т. огляделся. Дедушка мирно похрапывал в своем кресле, покойно сложив на животе руки. Кот Мурзила на телевизоре, не поднимая головы, медленно распахнул свои глазищи, сверкнувшие зеленым. Андрей Т. решительно спустил ноги с кровати.

Стараясь двигаться по возможности бесшумно, он облачился в тренировочный костюм, весьма кстати висевший тут же на спинке стула, и пробрался в прихожую. Несомненно, предстояла экспедиция, и подготовиться следовало тщательно. Андрей Т. натянул шерстяные носки и обулся в зимние ботинки. Затем он надел лыжную куртку, застегнул «молнию» до повязки на горле и подхватил в качестве оружия складной

металлический штатив для фотоаппарата, тяжелый и прикладистый, как дубина былинного витязя. Прикидывая боевой штатив в правой руке, он не без удивления обнаружил в левой любимую «Спидолу». Это было довольно странно: откуда взялся приемник в левой руке, которой он только что застегивал «молнию»? И коли уж на то пошло, откуда здесь взялся этот штатив? Это же не наш штатив, у нас нет штатива, у нас никогда не было штатива... Но времени удивляться и размышлять не было, настала минута действия. Двадцать первая минута одиннадцатого.

Ход у холодильника Андрей Т. увидел прямо с порога кухни. Оказывается, кухонный шкафчик справа от холодильника примыкал к нему не вплотную, а отстоял сантиметров на сорок, и в стене между ними красовалась прямоугольная зияющая дыра в рост невысокого человека. И дыра эта являла вид настолько непривлекательный, что Андрей Т. в нерешительности остановился. Ему представились скользкие выщербленные ступени, ведущие в зловонное подземелье, ржавые крючья в стенах, норвящие угодить в глаз, и еще какие-то серые, мохнатые, копошащиеся, с горящими красноватыми глазками...

Андрей Т. никогда не был трусом. Просто иногда он ратовал за разумную осторожность. Вот и сейчас он отчетливо понял, что минута действия

временно прекратила течение свое и уступила место минуте здравого смысла. Перед нами как будто подземелье? Отлично. В таком случае не следует ли заняться сначала изготовлением смоляного факела? Не следует ли сменить зимние ботинки на болотные, скажем, сапоги? И вообще не пора ли вовлечь в события дедушку, боевого офицера, имеющего, кстати, опыт преследования врага в тоннелях Берлинского метро? Или еще лучше — позвонить замечательному человеку, классному руководителю Константину Павловичу, бывшему танкисту и кавалеру ордена Славы.

Известно, что есть лишь один способ делать дело и множество способов от дела уклоняться, так что трудно сказать, как бы все обернулось в дальнейшем, но тут Спиха, Спидлец этакий, вновь тихонько проиграл начальные такты славной мушкетерской песенки, и Андрея Т. вновь бросило в жар. С пронзительной откровенностью признался он самому себе, что и сапоги болотные резиновые, и факелы смоляные коптящие, и всякие иные причиндалы, могущие еще прийти ему в голову, есть не что иное, как чушь несусветная и отговорки. Что стыдно ему, здоровенному (пусть даже слегка больному) парню, прятаться за спину ветерана великой войны. И что вообще топтаться без толку между холодильником и кухонным шкафчиком в то время, как друг Генка погибает и ждет помощи,

попросту постыдно. И он ринулся вперед и нырнул в зияющую дыру.

Он был приятно разочарован. Не оказалось там ни осклизлых ступеней, ни ржавых крючьев, ни снующих крыс. Оказался там длинный коридор казенного вида, тускло освещенный пыльными лампами под жестяными абажурами с отбитой эмалью. Пахло канцелярией, на оштукатуренных стенах мотались под сквозняком приклепленные бумажки с выцветшими машинописными текстами. Бросался в глаза странный призыв: «Тов. пенсионеры! Просьба не курить, не сорить и не шуметь!» Справа и слева вдоль коридора тянулись ряды обшарпанных дверей с темными пятнами возле ручек, и каждую дверь украшала надпись, как правило грозная и в повелительном наклонении: «Не стучать!», «Не звать по сторонам!», «Не сметь!» И даже «Миновать быстро и не оглядываться!»

Андрей Т. шел медленно, машинально читал надписи и думал, за какой дверью надо искать Генку, и вдруг ему пришло в голову, что ведь совершенно непонятно, куда ведет этот коридор, — по всем расчетам, он должен был с самого начала пронизать стену дома, пройти над улицей и вонзиться в балконы кинотеатра «Космос». Озадаченный этой мыслью, он даже остановился и тут же обнаружил, что коридор кончился. Впереди

был тупик, и в тупике были две двери — последние. Надпись на левой двери гласила с вызовом: «Для смелых». Надпись на правой двери снисходительно ухмылялась: «Для не очень».

Андрей Т. сдвинул брови и погрузился в самоанализ.

Скромность требовала признать, что со смелостью у нас обстоит не так чтобы очень. Правда, в первой четверти Андрей Т. взобрался по пожарной лестнице до пятого этажа. Но по возвращении на твердую почву у него так тряслись руки и ноги, что взыскательные наблюдатели это заметили, и пришлось соврать, будто на него напал приступ застарелой болезни Паркинсона (за многими делами он так и не удосужился выяснить, есть ли такая болезнь на самом деле, и если есть, то болеют ли ею люди). Словом, скромность утверждала, что избрать следует правую дверь, и Андрей Т. послушался. Он решительно отворил дверь с надписью «Для не очень».

Так. За дверью была знакомая комната. В знакомом кресле похрапывал знакомый дедушка, на знакомом телевизоре жмурился знакомый кот, со знакомой кровати свешивалось знакомое одеяло.

Андрей Т. решительно закрыл дверь. Скромность, конечно, скромностью, но не такой же ценой! Впрочем, не беда, ничего не потеряно. И в конце концов, избрав сначала правую дверь, он